

Волкова Анна Геннадьевна

канд. филол. наук, преподаватель

РО – ДОООВО «Калужская духовная семинария

Калужской Епархии Русской Православной Церкви»

г. Калуга, Калужская область

ПОЭТИКА СМЕРТИ И ВОСКРЕСЕНИЯ В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ

***Аннотация:** статья посвящена осмыслению смерти и посмертной участи человека в гимнографических текстах на церковнославянском языке. Гимнография рассматривается как опыт интерпретации не только библейских сюжетов, но и христианских догматов и представлений. Рассмотрение ряда песнопений позволяет сделать вывод о существовании особых средств выразительности, формирующих поэтику смерти и воскресения в церковнославянской гимнографии.*

***Ключевые слова:** гимнография, поэтика, богослужение, интерпретация, смерть, воскресение, вечная жизнь.*

Тематический состав богослужебных песнопений очень многообразен, равно как и состав самих служб: это могут быть службы и, соответственно, песнопения, посвященные христианским праздникам, основа которых – Священное Писание и Священное Предание; это могут быть службы и гимнография святым, преподобным, мученикам.

Смерть и воскресение, конечно, являются главной темой пасхальных песнопений. В частности, в каноне на Святую Пасху, написанном преп. Иоанном Дамаскиным (VIII в.), Воскресение Христово описывается через систему световых метафор: *Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя: да празднует убо вся тварь востание Христово* [2, с. 47], *озари вся Божественными блистаньями Воскресения* [2, с. 48]. Одна из основных метафор здесь антиномична по своей сути: Христос воскрес ночью, то есть в темноте, однако эта ночь, эта тьма была наполнена сиянием: *Яко воистину священная, и всепразднственная*

сия спасительная ночь, и светозарная, светоноснаго дне, востания сущи провозвестница: в ней же безлетный Свет из гроба плотски всем возсия [2, с. 51].

Другой содержательный пласт гимнографии – это песнопения святым мученикам и новомученикам, в которых тема смерти и вечной жизни преломляется в особом ключе – смерть для мучеников добровольна и представляет собой благо, так как в своей смерти они следуют за Христом, добровольно пошедшим на страдания: «Иисус Христос уничтожил смерть, поправ ее собственной смертью. В Нем нет смерти, но Он принял ее добровольно... Евангелие утверждает, что с воскресением Иисуса Христа новая жизнь – жизнь, в которой нет места смерти, дается тем, кто верит в Него, кто соединен с Ним – соединен через крещение» [3, с. 49–50].

В гимнографии мученикам одним из ключевых образов, связанных со смертью, становится образ страданий, причем часто описываются способы и средства, при помощи которых святым причиняли страдания их мучители: *Стружнему телеси твоему железных ногтей остротою, вжиляшися, чуднее, твоя души крепость, Божественною благодатию; Даже до усекновения и опаления, даже до кровопролития, даже и до смертныя кончины пострадал еси* (канон св. мученику Трифону) [2, с. 333, 336]. При этом такая жестокая смерть противопоставляется духовной красоте мученика, не предавшему своей веры вплоть до страданий и смерти, и это противопоставление и одновременно соединение безобразного и прекрасного является одним из поэтических средств выражения отношения к смерти в христианской гимнографии: «Одним из языковых способов деяний и подвигов мучеников в гимнографических текстах является прием антиномии... Облик мученика, обезображенный страданиями, но прекрасный в силу своей твердой веры и высокой духовности – такая антиномия родилась в византийской гимнографии под влиянием христианского мировоззрения, противопоставившего эту антиномию античному принципу калокагатии (единства внешней и внутренней красоты)» [1, с. 5].

Отдельный гимнографический пласт, в котором также находит свое воплощение тема смерти, воскресения и вечной жизни, – это поминальные песнопения

ния, исполняемые на особых богослужениях. Этой гимнографии посвящены лекции протоиерея Александра Шмемана, в которых разбирается, прежде всего, богословская, а не языковая составляющая [3, с. 103–127]. Однако анализ именно языка этих песнопений позволяет выявить христианское осмысление смерти и отношение к ней.

В каноне на утрени мясопустной субботы (Вселенской родительской субботы), творении преп. Феодора Студита, содержится метафора, которая очень сходна с пасхальной символикой: жизнь – это ночь, а смерть – пробуждение (цифры в круглых скобках обозначают номер песни и номер тропаря соответственно): *темже усопшия от житейския ноци, дне невечерняго сыны покажи, Господи* (1, 3) [2, с. 403].

В этом же каноне несколько раз встречается и обыгрывается метафора жизни как моря, волн, пучины: *Присномутное жития море преплывшия, Христе, в нетленное Твоего жития сподоби пристанище притещи* (3, 3); *Направи нас, Дево, молитвами Твоими, окормляющи обуреваемая волною греха во спасительная пристанища* (4, Богородичен) [2, с. 408–409]. Кроме этого, вода – это еще и символ греховных помышлений, житейской суеты: *волны, Чистая, укроти суетных помышлений* (3, Богородичен) [2, с. 408]. Все эти значения, как видно, имеют отрицательные коннотации.

С другой стороны, образ-символ воды – это символ и Самого Христа, берущий свое начало из Евангелия, точнее – из эпизода беседы Христа с самарянкой, когда Христос говорит о «воде живой»: «если бы ты знала дар Божий и Кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую... кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:5–42). Всё в том же каноне мясопустной субботы эта метафора становится Богородичной: *Струи живыя Источник запечатанный показала еси, Богородице Дево* (8, Богородичен) [2, с. 411]. Дева Мария называется *Источником запечатанным*: это символическое указание на Ее Приснодевство; при этом Мария, родившая Христа, – это именно тот Источник, из которого потечет

вода живая. Здесь контаминируются образы Ветхого и Нового Завета: если вода живая – это скорее евангельский образ, то образ запечатанного источника, осмысленный как символ Приснодевы Марии, содержится в Ветхом Завете, например, в Песни песней: «Запертый сад – сестра моя, невеста, заключенный колодец, запечатанный источник» (Песнь песней 4:12).

Описание загробных мучений – это отдельная тема, которой стоит посвятить отдельное небольшое исследование, поэтому в рамках данной статьи подробно этот момент в гимнографических текстах анализироваться не будет. Следует только упомянуть, что в рассматриваемом каноне такое описание основывается на евангельском тексте: *Огня приснопалящего, и от тьмы несветимья, скрежета зубнаго, и червья безконечно мучащаго, и всякаго мучения избави...* (5, 4) [2, с. 409]. В Евангелии от Марка есть очень похожие слова, которые трактуются именно в контексте посмертного воздаяния: «где червь их не умирает и огонь не угасает» (Мк. 9:44).

Таким образом, через выявленный ряд образов в гимнографических текстах формируется поэтика смерти и воскресения, которая шире обычного противопоставления «жизнь – смерть», а также шире антиномии, уже ставшей общим местом в христианстве (жизнь как смерть, а смерть как новая жизнь, как переход к иной жизни, к инобытию). Антиномия – лишь частный случай и поэтический прием, характерный в основном для гимнографии служб, посвященных святым мученикам: «противопоставление и одновременно соединение описаний страшных страданий мученика, жестокости его мучителей и духовной стойкости и вере святого» [1, с. 6]. В рассмотренных текстах встречается несколько других интересных приемов, в частности, это контекстуальные антонимы, то есть такое употребление одного и того же слова, образа в различном смысле. Таким образом-символом является, например, вода: пучина, море – это отрицательно осмысливаемые образы, образы смерти, утопления, гибели; вода, источник воды – образ с положительными коннотациями (вода живая, символ воскресения и вечной

жизни). Гимнография выступает здесь не только как интерпретация текстов Священного Писания, но и как осмысление Священного Предания, причем это осмысление выражается через определенные языковые, поэтические средства.

Список литературы

1. Волкова А.Г. Поэтика смерти в славяно-византийской гимнографии: службы святым мученикам // Актуальные вопросы изучения духовной культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVI Кирилло-Мефодиевские чтения», 19 мая 2015 года. – М. – Ярославль: Ремдер, 2015. – С. 3–6.
2. Канонник. – СПб.: Сатисъ, 2004. – 415 с.
3. Шмеман Александр, протопресвитер. Литургия смерти и современная культура. – М.: Гранат, 2013. – 176 с.